

Stankeviča, Anna (2025). «Родина, она же смерть. О новой книге стихотворений Евгения Сливкина *Сестра отчаяния*». *Mirgorod: The Annual of the History and Epistemology of Contemporary Literary Studies*, 23/24, pp. 343–356. DOI: <https://doi.org/10.32017/mirgorod-2025-23.24-11>

Родина, она же смерть. О новой книге стихотворений Евгения Сливкина *Сестра отчаяния*

Anna Stankeviča (Анна Станкевича)
Daugavpils Universitāte, Latvijā

СЛИВКИН, ЕВГЕНИЙ / «СЕСТРА ОТЧАЯНЬЯ»

Edited by Roman Mnich & Filip Świerczyński.

Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań
Literackich im. Franciszka Karpińskiego. Stowarzyszenie.

1st Edition, Siedlce, 2024.

ISBN 978-83-66597-85-3

Сборник *Сестра отчаянья* (Wydawnictwo Naukowe IKRiBL, Siedlce, Poland, 2024), как представляется, самый сложный из трех известных мне сборников Евгения Сливкина*.

Эта сложность проявляется и в переплетении многих подчас взаимоисключающих тем и сюжетов, и в прихотливости построения пространственно-временной модели,

* *Над Америкой Чкалов летит* (2018), *Обречённый снег* (2020).

и в трагическом мировосприятии лирического героя сборника. «Я» предыдущих сборников — личность умная, ироничная, видящая несовершенство мира, способная оценить немного доброе и достойное, существующее в этом мире, переживающая смерти близких и все же верящая в свет, любовь, друзей. Лирический герой последнего сборника поэта — это тот же человек, но переживающий глубочайшие трагедии современности. Как это вообще характерно для художественной системы стихов Сливкина, его тексты из анализируемого сборника насыщены и даже перенасыщены намеками, цитатами, отсылками (эксплицитными и имплицитными) к разным явлениям мировой культуры.

Самый приблизительный подсчет позволяет констатировать, что стержневыми образами картины мира анализируемого сборника являются родина и смерть. Филологическому уху хочется услышать «Patria o muerte!» («Родина или смерть!») — лозунг кубинской революции, но у Сливкина именно так: родина и смерть, а точнее, родина, она же смерть. Танаталогические мотивы четко обозначаются даже на уровне заглавий стихов: *На кладбище варшавских повстанцев*, *В обществе мёртвых поэтов*, *Поминальный диптих* и т.п.

Уже в инициальном стихотворении сборника родина и смерть трактуются как синонимы:

— Доктор, не только при каждом свидании —
даже на очень большом расстоянии
я задыхаюсь от дыма отечества.
— Это не лечится, это не лечится.

<...>

— Доктор, не дайте больному отчаяться!

Чем человек всё же определяется —
существованием или сознанием?

— Кровопусканием, кровопусканием.

Классические и даже затертые прецедентные тексты обретают новое, противоположное значение: дым отечества больше не сладок и приятен, он удушающ, а кровопускание — это не оздоравливающая процедура, а знак войны и гибели.

Родина и смерть — эта пара настойчиво повторяется и в следующих стихотворениях. Происходящее вокруг видится чем-то аномальным и даже противоестественным:

Здесь вам, как сказал помкомвзвода, не тут,
и родиной что-то другое зовут.
И мёрзнет всю ночь, на ветру оголён,
в саду возле площади вечный огонь.
Здесь между живыми разброд и разлад —
и в братских могилах не братья лежат.

Этот «разброд и разлад» слышится даже в звуках национального военного марша:

Орудий самоходная орда.
Под гул моторов двигаются танки.
Рыдает марш: как будто две славянки
прощаются друг с другом навсегда.

(Прохождение военной техники)

Российско-украинская война, прямо нигде не названная, присутствует едва ли не в каждом пятом стихотворении сборника. Образ Украины ассоциируется с милым сердцу природным началом: <...> *лежат, травкою шевеля, сплошь в васильках и одуванчиках жовто-блакитные поля.* (*Сельский пейзаж*)

Образ Родины для художественного мира поэзии Сливкина очень важен, это актуально как для предыдущих его сборников, так и для *Сестры отчаянья*. Здесь родина часто осмысливается через традиционную славянскую, русскую мифологическую и фольклорную парадигму. Поэт часто обращается к поговоркам, пословицам, в которых, как принято считать, сконцентрированы народная мудрость и вековой опыт. Художественный анализ этого материала поэтом заставляет читателя задуматься о том, нет ли в этой мудрости роковой ошибки. Так, из фольклорной трактовки проблемы народа и власти, сформулированной в известной пословице: *Не Москва государю указ, а государь Москве*, сделан горестный вывод:

Не Москва государю указ... —
в этой присказке весь наш секрет:
ворон ворону выклевал глаз,
и чертей в тихом омуте нет.

Развели журавлей в облаках,
а синиц удержать не смогли,
и остались в худых пиджаках те,
кто смолоду честь берегли.

Этот текст может быть прочитан как констатация состояния, в котором оказалась нация, социум и, может быть, шире то, что сегодня называют особой цивилизацией.

Принципиально важно, что в стихотворении очень наглядно явлен один из основополагающих структурных приемов сборника — выявление сути происходящего через опрокидывание, выворачивание на изнанку знакомого и привычного. Структурно это похоже на опрокидывание карнавального, но семантика другая — обнаружение трагического ядра.

Еще один вроде бы узнаваемый сказочный, но такой горестный и страшный вариант родины:

Сохнут слёзы женские и девичьи,
 листья осыпаются с венков;
 прячутся Иванушки-царевичи
 за спиной Иванов-дураков.

Широко раскинулось треклятое,
 до небес вздымая сладкий дым,
 золотое царство тридевятое —
 зеркальце, скажи, что станет с ним!

В этих строчках, скорее, не сказочная, а очень ясно социально маркированная картина происходящего в воюющей стране: мажоры Иванушки-царевичи и Иваны-дураки, гибнущие на фронтах, вдовы и несостоявшиеся невесты, похоронные венки и пожары, проклятие, которое повисло над землей. И как своеобразное продолжение сюжета — следующие стихи:

Курганы, степь-полупустыня,
 богатырей триумвират.
 Куда так пристально глядят
 Илья, Алёша и Добрыня?

Они стоят, как обелиски.
 В степи им не на что смотреть.
 Но на заставе богатырской
 тому, кто отвернётся — смерть.

(Васнецов)

Это не столько васнецовские богатыри, и тем более не так популярные три богатыря — мультяшные персонажи. Это те, кто стоит перед лицом смерти сегодня.

В *Сестре отчаянья* ведется разговор о конкретных событиях конкретной войны, косвенными свидетелями которой, сегодня мы являемся. Но это не репортажная поэзия. Современность вводится в широкий исторический контекст, когда история — часто это дурная повторяемость:

Отныне не будет небес
 ни ночью, ни утром без
 Венеры и Марса — они
 будут и днём видны.
 И дней не будет иных,
 кроме дней Турбиных.

Сегодня происходит универсальное опрокидывание архетипов, которыми ранее было принято гордиться:

Наш гордый «Варяг» не сдаётся,
хоть дело, пожалуй что, швах:
спокойно на всех броненосцах
и тихо на всех крейсерах.

Исчерпаны напрочь резервы.
Что было, то было вотще!
И прежние жирные черви
клубятся в матросском борще.

(*Старому нахимовцу*)

Некогда совершенные подвиги (как пример — история крейсера *Варяг*) были напрасными, а вот ситуация из эйзенштейновского *Броненосца Потемкина* абсолютно символична для современного момента. Думаю, обилие таких натуралистичных образов отражает невероятную боль и страдание лирического героя:

О Господи, что мы за раса!
Бросаешь рассеянный взгляд
на вывеску «Свежее мясо»,
и думаешь: — Военкомат.

(*В дороге*)

Образная система сборника ориентирована на узнаваемые маркеры: например, стихотворение о Летучем голландце — само по себе констатация смертельного начала, но, как и в предыдущем стихотворении, мера ужасного возведена в некую высшую степень:

Был в отсеке матросском
рот у каждого заперт...
Но бежали по доскам
крысы, прыгая за борт.
С ног сшибив рулевого,
удирало со шканцев
всё, что было живого
на Летучем голландце.

(Бегство)

Другой узнаваемый образ, традиционно совсем не связанный со смертью, а даже наоборот — жизнеутверждающий в современной ситуации ставится под знак смерти:

Не смотри так ошарашено —
убежали пёс и кот.
Опустело Простоквашино:
всех отправили на фронт.

По-английски свинки ойнкали,
а теперь под крик ворон
по деревне с похоронками
ходит Печкин-почтальон.

Можно сказать, что в самых разных формах сама История присутствует едва ли не в каждом втором стихотворении сборника. Возьмем, к примеру, стихотворение, посвященное российскому гимну:

Вышла старая новинка, —
и на весь честной простор
затрещивало было Глинка,
но разбился, как фарфор.

А потом краса и сила
мутью поднялись со дна,
и держава не забыла,
что священная она.

(На башне)

При всей похожести и повторяемости событий, доминирующая тенденция сегодняшнего мира — деградация, которая бросает свой зловещий отблеск и на прошлое.

Мы «не годными» все, как один,
оказались ещё до зачатья.
Шли отцы наши в бой на Берлин,
а в Кабул — наши младшие братья.

Нам никто не поставит в вину
то, что были с рожденья везучи.
Наши дети смиряли Чечню,
наши внуки запомнились в Буче.

Кстати, события Великой отечественной войны и ветераны этой войны в стихах Сливкина всегда описаны с нежностью и великим уважением:

Я с детства помню тесно сжатых
в застолье в праздник Всех живых
весёлых гвардии-сержантов
и офицеров боевых.

<...>

Попёртый вон из генералов
за то, что всех их уберёт
полковник там под звон бокалов
спокойно доедал пирог.

(Однополчане)

Сегодняшние войны — результат страшных ошибок, ожесточения и расчеловечивания. Заметим и то, что другая страшная разгорающаяся война тоже осмыслиется поэтом как результат деградации цивилизации:

Ни шекель, ни юань, ни крипто-
валюту здесь не пустишь в ход —
кумиры Древнего Египта
звериных не скрывают морд.

Здесь могут запросто явиться,
протяжный издавая вой,
богиня с головою львицы
и бог с шакалей головой.

И лишь одних бойцов спецназа
 при свете факелов отсель
 ведет обратно в сектор Газа
 прорытый крысами тоннель.

Мне не хочется, чтобы у читателей сложилось впечатление, что художественный мир стихов Евгения Сливкина при том, что там часто говорится про смерть и поруганную Родину, — абсолютно безысходен. Если вернуться к фольклорной составляющей сборника, то выясняется, что судьба сказочного героя и судьба его сегодняшней родины — отличаются, и в этом, может быть, теплится некая надежда:

С ним поступили не по-братски,
 и вообще не по-людски:
 он был разрезан на куски —
 в той сказке не играли в цапки!
 И он бы сгинул навсегда,
 как под колёсами трамвая,
 когда б не мёртвая вода
 и вслед за нею не живая...

Водой всего из одного,
 до дна прогнившего, колодца
 полили родину его —
 теперь-то намертво срастётся.

(Сказочный герой)

Сказочный герой, как водится, политый поочередно мертвой и живой водой, воскресает, а вот родина, его, политая не мертвой и живой, а гнилой водой — обречена.

Слово *намертво*, уже традиционно для художественной системы сборника в результате смыслового опрокидывания означает смерть.

Что будет с человеком? С народом? Возможно, ответ таков:

Зеркальце таит слова ответные,
утешать не хочет нас враньём...
Ничего, Кощеюшки Бессмертные,
мы вас всех ещё переживём!

Лирический герой сборника *Сестра отчаянья* — человек, при всем его отчаянье, любящий свою родину:

Прекрасная и жутковатая,
ещё не ставшая пустой,
земной тщеты одна девятая,
та, что была одной шестой,
какой-то силой в мысли вжатая,
невероятная страна...
Так над водой одна девятая
громады айсберга видна:
плывёт, овеянная инеем,
мерцающая, как топаз.
Но то, что ниже ватерлинии, —
загадочнее в восемь раз.

(Одна девятая)

Думаю, программным в этом плане можно считать следующее стихотворение, отсылающее к Достоевскому:

Тот эпизод и мне мерещится.
Душа болит за девку эту —
сестру нескладную процентщицы,
беременную Лизавету.

Но всё же за убийца Родю нам
больней и горше без сомнений.
Вот так и мне за нашу Родину.
Хочу, чтоб встала на колени.

(Разговор)

Предполагаю, что тема покаяния непременно через какое-то время станет очень важной для художественного мира поэта Евгения Сливкина.

ANNA STANKEVIČA

Daugavpils University

The Department of Languages and Culture at the Faculty of the Humanities and Social Sciences

ORCID: 0000-0001-6264-6753

annastankevica@inbox.lv

Dr Anna Stankeviča is a Professor at the Department of Languages and Cultures at Daugavpils University, Latvia, and Director of the MA programme *Cultural Relations in Eastern Europe and Integration Processes*. Her notable publications include research on Russophone literature in Latvia, the works of Evgeny Vodolazkin, and genre transformations in 20th- and 21st-century Russian literature. She is the Academic Director of the project *Learn Russian in the EU* and serves as an expert for the Latvian Council of Science in the humanities and arts. Professor Stankeviča heads the editorial board of *Slavic Readings* and is a board member of “Przegląd Rusycystyczny” and “Cultural Studies.” Her research interests encompass contemporary Slavic literatures, Russian literature in the Baltic region, and comparative literary studies.